

Ольга Володинская

Жили-были...

Грустные сказки, рассказанные на ночь

Ольга Володинская

**Жили-были... Грустные
сказки, рассказанные на ночь**

«Издательские решения»

Володинская О.

Жили-были... Грустные сказки, рассказанные на ночь /
О. Володинская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852005-1

Три трогательные истории. Они о любви, о расставаниях и потерях, о повседневных радостях и трудностях, о характерах и размышлениях, т.е. о том, из чего складывается человеческая жизнь. Это истории о разных людях, но их объединяет главная героиня, которая появляется в третьей части. Есть и еще одно общее для всех персонажей — страна, где они жили и живут, с чьей историей тесно переплетаются и их собственные судьбы, которые похожи на судьбы других, в том числе, близких вам людей.

ISBN 978-5-44-852005-1

© Володинская О.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Часть 1. Иван да Настя	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Жили-были...

Грустные сказки, рассказанные на ночь

Ольга Володинская

© Ольга Володинская, 2017

ISBN 978-5-4485-2005-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я хотела бы посвятить эту книгу своим детям

«Воображение гораздо важнее, чем знания»

Альберт Эйнштейн

Благодарности

Я хотела бы с благодарностью вспомнить здесь тех, благодаря кому вновь и вновь возвращалась к написанию этой книги. Возможно, это слишком громкое название для моего скромного труда. Но спасибо всем, кто меня на него сподвиг.

Это в первую очередь, Павел Васильевич Гаврилин – прекрасный психолог, замечательный педагог, просто хороший человек, который невольно дал мне первый посыл. Это моя сестра Лена, которая была моим первым читателем, ее муж Юрий, помогавший мне с обработкой фотографий для книги. Это мой брат Сергей, который по крупицам помогал мне добыть такую важную информацию. Это моя дорогая мама, которая приложила максимум усилий для того, чтобы собрать воедино обрывки своих воспоминаний. Это мои добрые подруги Ольга, Татьяна, Инна и Любовь, которые вдохновляли меня и помогали вновь обретать уверенность в себе. Это мой муж, который терпел мои бесконечные вечерние сидения за компьютером.

Простите, если я кого-то не назвала.

Я всех от души благодарю!

Предисловие

Почему-то вспомнилось: «Хочешь, я расскажу тебе сказку?» Так начинается забавный анекдот о том, как мама оставила ребенка дома одного на некоторое время, поставив ему пластинку, которая застряла как раз на этой фразе...

Сколько себя помню, я всегда что-нибудь сочиняла, фантазировала. Часто это были какие-нибудь полусказочные истории, где главной героиней неизменно была я. Ну, или одной из главных героинь. Я это делала, когда куда-нибудь направлялась, гуляла или ложилась спать. Не всегда удавалось записывать свои опусы, иногда весьма длинные. Порой просто забывала, а потом, как водится, «поезд уже ушел»...

Однажды мне приснился сон, в котором я попала в какое-то удивительное пространство. Во сне я понимала, что нахожусь где-то в нереальном мире. Вокруг все было очень необычно. Это было нечто похожее на огромную библиотеку, где стеллажи с книгами были такими высокими, что самых верхних полок даже не было видно. И самое интересное, что эти книги были какими-то ненастоящими – их нельзя было потрогать. Все вокруг находилось в каких-то еле ощутимых колебаниях, вибрациях. И самое главное – цвета... Просто необыкновенные цвета... Как мазки художника на сказочной картине.

Вдруг на антресольном этаже появился некий почти былинный персонаж, напоминающий человека в белых одеждах. Он был седовлас, его лицо обрамляла длинная такая же седая, как волосы, борода, а глаза, казалось, видят тебя насквозь. Такой интересный, необычный таинственный старец. Он ничего не говорил, но его голос я слышала как бы внутри себя. Я задавала ему какие-то вопросы... Почти все они выветрились из моей памяти. Я спросила его, кто он такой, и внутри скорее почувствовала, чем услышала ответ – Хранитель. И еще одно я запомнила. Он говорил мне, что я должна писать. Обо всем, что вижу, слышу, о чем думаю, о том, что чувствую. Писать с любовью. Все записывать. И делать это каждый день. И на прощанье тот, кто назвал себя Хранителем, подарил мне книгу. Это был огромный старинный фолиант. Старец сказал, что в нем есть все, что мне нужно. В его руках книга, светилась голубым неоновым светом. Он позвал меня к себе, протягивая руку, из ладони которой исходил фиолетовый мерцающий луч. Я поднялась по нему, как по эскалатору. Мы попрощались, и он передал мне книгу, сначала раскрыв ее и «окунув» мое лицо в ее энергетические страницы. Оно буквально зарылось в них. Потом эта книга стала быстро уменьшаться и превратилась в маленькую книжечку, которая вполне могла уместиться на ладони. Я спросила, где мне ее хранить. Он улыбнулся и взмахнул рукой. Книга коснулась моей груди где-то в области сердца и растворилась в нем. Он сказал: «Вспоминай! И пиши всегда!». И все исчезло. Но осталось какое-то послевкусие. Чего-то таинственного, очень значимого и приятного.

Этот сон сохранился в памяти, и я часто возвращалась к нему. И даже старалась записывать то чьи-то мысли и высказывания, то свои впечатления и рассуждения.

И вот однажды я получила уже в реальной жизни задание написать сказку, в которой переплетались бы самые разные, в том числе вполне повседневные события, касающиеся членов моей семьи, даже если я их совсем не знала, то есть тех, кто жил задолго до моего рождения. И я поняла, что жизнь все равно подводит меня к тому, чтобы я перестала сочинять что-то в своей голове, как это было в детстве, а все же стала бы переносить все это на бумагу, пусть и электронную. Поэтому я, как в косу, вплетала в свое повествование и явь, и фантазию, и факты, и предположения. И пусть все это было не совсем так или, быть может, совсем не так...

Но я это делала с любовью к тем, о ком вспоминала на этих страницах. Да простят меня они...

Часть 1. Иван да Настя

Итак... как там начинаются все сказки – жили-были ...девочка и мальчик. Они еще ничего не знали друг о друге.

– Няня, расскажи сказку, – каждый вечер просила девочка.

– Так я тебе уж рассказывала, – отвечала няня. Глаза ее улыбались, обозначая морщинки, расходившиеся тонкими лучиками, а руки то и дело поправляли на девочке одеяло.

– Ну, расскажи опять про девочку и дракона, – не унимался ребенок.

– Ох, Христова ты моя-то, ну давай уж, расскажу, ладно. В одном далеком царстве-государстве жил народ. Трудолюбивый, добрый. Красоты неписаной. Веселый... Бывало наработаются в лесу да в поле, и ну – песни петь, пляски плясать да хороводы водить. Хорошо жили, богато. Друг дружке всегда помогали. И счастья у них было до небес!

– И сладостей? – спросила девочка.

– И сладостей всяких видимо-невидимо. Ты спи-спи, – похлопывая по одеялу, продолжала няня, – И повадился к ним прилетать злой дракон о семи головах. Выходили богатыри на защиту своего царства-государства, бились с ним, бились, никакого сладу не было с супостатом. Погибли все богатыри, сражаясь. Женщин всех до единой в полон забрал тот дракон, а детей съел заживо. Огнем своим пожег он все дома с закромами. Захотел потом злобно и улетел в свою пещеру спать-отдыхать. Да только не видел изверг, что не всех извел-истребил. Остались в живых мальчик Иванушка, да крохотная девчущечка, едва ножками которая ходить начала. Настенькой звали ее.

– Даже разговаривать еще не умела, – вставила девочка.

– Да, даже разговаривать не научилась еще. Остались они, горемычные, одни. Пошли еду искать, взявшись за руки, да место, где им теперь жить-поживать. И в одном доме наткнулись на деда старого, который на печи лежал хворый. Потому и жив остался. Обрадовались дети, что не одним им на белом свете жить придется, кинулись к деду. А тот и не знает, радоваться ему, али печалиться. Поднялся, кряхтя, и давай искать, что на стол собрать деток покормить. Так и жили: Иванушка в лес за дровами ходил, в реке рыбу ловил, в огороде репу да другие овощи садил, в поле – зерно, какое нашли по закромам уцелевшим. Ничего, кормились как-то. Прошло время, вырос Иван, настоящим богатырем стал. Да и Настя подросла – в красну дЕвицу превратилась. И задумал молодец победить злого дракона, который нет-нет, да и пролетал над их обиталищем пустынным. Надоело Ивану прятаться, и решил он вызвать дракона на честный бой. «Э, нет, не пойдет так-то, – сказал ему дед, – одним напором да смелостью дракона не одолеть. Тут смекалка надобна». И стал учить Ивана, как лучше все устроить, чтоб дракона того победить.

– Хитростям всяким учить, – уточнила девочка.

– Хитростям, конечно, – согласилась няня. – Эти головы-то у дракона не простые были. Не успеешь отрубить одну, она враз опять вырастала. Потому как на лапище у дракона лишний палец был. Проведет он им быстрехонько по отрубленному месту, ан, глядь, голова-то на месте опять. Так что не головы нужно рубить-то, а палец. А вот какой из них силу такую имеет, надобно узнать сперва: отрубить голову и смотреть внимательно – каким пальцем дракон потянется к шее своей.

Не пускала Настя Ивана на битву. Слезы горькие проливала. А ну, как не в Иванову пользу бой развернется. Что тогда ей, бедной, останется? В реку кинуться с высока берега? Уговаривал ее Иван, уговаривал, да так и не согласилась Настя, так и не позволяла выйти на бой, все плакала да стенала-причитала. И вот, когда почувствовал Иван силушку молодецкую да богатырскую...

– А как он ее почувствовал?

– Руки налились у него этой силушкой, брови сами собой сдвинулись сурово, губы сжались, решительным он стал, сурьезным, выковал себе меч-кладенец, и пошел к драконо-вой пещере на бой. Рано утром пошел, чтобы Настю не будить. Только старик проводил его до опушки.

Проснулась Настя,хватила Ивана, руками всплеснула, заплакала горячими слезами. К вечеру вдруг потемнело все, ветер поднялся страшный, ураган налетел грозный, деревья с корнем из земли вырывал. Испугалась Настя, заметалась, запричитала. Выбежал дед из избы, схватил ее за руки и потащил в дом что было силы. «Страшный, видно, бой идет», – сказал он, – не одолеть, по всему видать, Ивану дракона злого». Услышала Настя эти слова, да так замертво и упала.

– Няня, почему замертво? Она же живая была...

– Живая, конечно, говорят эдак-то, потому что, как мертвая она сделалась. Только что дышать не перестала.

– Дальше, дальше рассказывай.

– Ну, так вот. Стихло все вдруг, но солнышко все не показывалось, и птицы даже петь перестали. Вышел дед на крыльцо, смотрит в сторону леса, куда Ивана провожал. Три дня и три ночи прошло. Нет никого. Заплакал тогда дед, сел на крылечко, пригорюнившись, да и закимарил потом маленько. Вдруг видит, сияние какое-то из-за леса поднимается, птицы внезапно запели, громко да весело. Не поймет дед, привиделось ему это али в самом деле.

– И Ивана увидел?

– Увидел и Ивана... Смотрит он, а на коне буланом, да с попоной княжеской Иван сидит. И одет как богатырь – в кольчуге, шлеме, с мечом в руке. Испугался дед, задрожал весь, думает, не иначе мерещится ему. Но Иван окликнул его, спешился, привязал коня и пошел навстречу. «А Настенька-то где же? – спросил он. «Не знаю, что с нашей Настей сделалось, упала замертво, только сердечко, как птичка, бьется. В горнице она лежит». Кинулся Иван к девушке, за руку взял...

– И поцеловал в уста сахарные, – закончила девочка.– Няня, а что такое устасахарные?

– Ох-ох-ох, голова твоя садовая, – рассмеялась няня. Говорят так в сказках-то. А уста сахарные – что губки твои аленькие – все одно.

– А дальше что было?

– Дальше-то? И пошли они рука об руку одною тропинкою. Вокруг березки растут – лес целый из них-то, трава высокая-высокая, цветов разных видимо-невидимо, птички поют, солнышко ясное в небе лазоревом. И они рядышком идут... Спи, сердешная.

– А у меня так будет, няня?

– Как, дитяtko?

– Ну, чтобы рядышком... И чтобы от злого дракона спас... чтобы солнце светило и птички пели...

– А как же, родимая! Все у тебя будет. Как сама схочешь, так и будет. От тебя ведь тоже мно-о-огое зависит-то.

– Как это?

– А вот так – не злись ни на кого, плохо не думай, да не делай. Люби всех вокруг – что человека, что зверушку какую. Все – Божьи дети. Родителей почитай да не забывай. Не упря-ничай, а смиренно все принимай. Не спорь. Доброй будь ко всем да веселой и радостной. Сча-стье свое помни, что на свете живешь. Да живи-то по правде и по совести. И благодарить не забывай. И все у тебя будет!

– И Ваня?

– И Ваня. Может, не Ваня, а другой кто. Не в имени ведь дело-то. А в человеке. Человек имя-то красит. У тебя вон тоже имя-то, как из сказки. Так вот и крась его. Вон они в сказках-то все какие, Настеньки-то! Ну, спи, давай, а то мать, неровен час, заругает нас с тобой.

– Няня, а кого благодарить-то и за что?

– А за все, дитяtko, за все, что ниспослано будет. Всех благодари.

Девочка жила в далеком сибирском городе в большом красивом доме. Играла с куклами на лужайке, по воскресеньям ходила с родителями в церковь. Ей нравилось, когда мама надевала на нее нарядное светлое платье, расчесывала длинные волнистые волосы и вплетала туда атласную ленту. Волосы цвета спелой пшеницы рассыпались по плечам, и мама не забирала их в косу все, как это было обычно по будням. Она всегда причесывала девочку сама. Обе молчали, но в каждом прикосновении девочка чувствовала нежность.

У девочки было сказочное имя – ее звали Настей, Настенькой. Однажды, когда на Пасху они всей семьей, как водится, пошли в церковь, девочка увидела другую семью, тоже шедшую на службу, к которой родители подошли поздороваться. Ее взгляд задержался на мальчике-подростке, уже почти юноше. Он был одет в новенький темно-серый костюм, такой же картуз, рубашку-косоворотку и блестящие сапоги. Мальчик тоже заметил Настю и улыбался ей своими синими, как небо, глазами.

– Ваня, Ваня, не отставай, – позвала его мать.

На минуту у Насти перехватило дыхание и в груди разлилось тепло, она почувствовала, как кровь прилила к щекам. Повинуясь какому-то неведомому чувству, девочка прижала к пылающему лицу руки.

– Что это с тобой? – увидев ее замешательство, спросила мама.

– Ничего, так... жарко..., – ответила девочка.

Вечером, ложась спать, Настя, наблюдая, как няня складывает ее платье, изо всех сил мысленно торопила ее. Она даже не стала просить ее рассказать, как обычно, всегдашнюю сказку.

– Скорее, скорее! – подгоняла она.

Насте не терпелось закончить все процедуры, забраться в кровать, укрыться теплым одеялом и, закрыв глаза, вновь представить себе утреннюю картинку: вот они идут по улице, под ногами еле-еле пробивается молодая травка, на небе – ни облачка, только высоко-высоко прямо над Настей вьется и щебечет одинокая птичка, девочка глазеет по сторонам и вдруг видит его, мальчика, вернее уже почти юношу, который тоже смотрит в ее сторону, замедлив шаги, и улыбается ей одними глазами.

Дни бежали за днями, месяцы за месяцами, год за годом. Из этого и соткана человеческая жизнь. Девочка на отлично сдала экзамены в недавно открывшуюся в городе женскую прогимназию. Ей нравилось учиться. Ах, как она любила книги! Что может быть лучше, чем сесть у окна в натопленной комнате и читать, читать, читать. Правда, еще больше ей нравилось вышивать. Этому научила ее мама, которая иногда пеняла ей на излишнюю любовь к книгам. Ей хотелось, чтобы девочка умела делать что-то еще. Ведь семья была купеческая, не дворянская, хоть и городская, и предполагалось, что девочка, а затем и женщина не сможет вести совсем уж праздную жизнь. Но старшие братья любили ее, жалели и всегда говорили маме, что успеет еще Настя, наработается. Как в воду глядели...

Но тогда в самом начале 20 века никто и представить не мог, какие события ждут их всех впереди...

Так девочка росла, становилась все красивее и красивее. На пухлых щечках играл нежный румянец, но черты лица несколько вытянулись, стали тонкими и правильными. Огромные светло-карие глаза смотрели на мир с любопытством и пытливостью, выдавая недюжинный ум и сильный упрямый характер.

Однажды перед самым Рождеством Настя задумчиво шла домой по городской улице. Снег тихо падал большими пушистыми хлопьями, все гуще и гуще. Становилось темно, то тут, то там загорались разноцветные огоньки. Окружающий мир превращался в сказку. Проходя мимо ворот церкви Знамения Божией Матери, Настя, повинувшись какому-то необъяснимому порыву, завернула туда. Перекрестившись, она вошла в храм. Потрескивали свечи возле икон, и их блики, отражаясь в стекле, превращались в фигуры, исполняющие какой-то замысловатый танец. Настя подошла к иконе Богоматери, и на миг девушке вдруг показалось, что Пречистая Дева заглянула прямо ей в глаза – такую причудливую игру сыграл отблеск огня.

– Пошли мне настоящую любовь, прошептала девушка, – я так хочу быть счастливой!

Она прикоснулась губами к иконе со слезами умиления и, вновь перекрестившись, пошла прочь. Выйдя на крыльцо, Настя вдруг неожиданно поскользнулась и едва не упала, как чьи-то руки подхватили и удержали ее. Повернув голову, девушка увидела синие-синие глаза и не сразу поняла, кому они принадлежат. А когда обрела равновесие и смущенно отряхнулась, то узнала того самого повзрослевшего еще больше мальчика Ваню, о котором так часто вспоминала со щемящей грустью. И юноша вдруг неожиданно вспыхнул – он тоже узнал Настю. Никто из них не мог промолвить ни слова.

– Испугались? – первым нарушил молчание несколько оробевший юноша.

– Маленько, – совсем, как няня, ответила Настя и еще больше покраснела.

– Что это вы так поздно по улице ходите одна? Уже ведь стемнело совсем. Давайте я вас до дому провожу, – не давая девушке вставить ни слова, от волнения затараторил Иван.

Девушка невольно засмеялась, и хрупкая стена смущения, которая было, возникла между ними, окончательно разрушилась.

– А я ведь даже не знаю, как вас зовут, – возобновил разговор Ваня.

– А я знаю, ваше имя, – вскинула поначалу голову Настя. – Я слышала, как вас звала матушка. Тогда давно, на Пасху у церкви, – вдруг смущенно залепетала она.

– Вы тоже запомнили этот день? Я часто вспоминал его. И вас... Вы были такая... милая... смешная, – улыбнулся Иван.

Девушка промолчала, но вдруг почувствовала, как сердце ее забилося часто-часто.

– Интересно, – думала она, – ведь я его совсем не знаю, а мне с ним так хорошо! Как будто мы знакомы давно-давно. И так хочется смеяться и танцевать, и кружиться.

– Догоняйте! – крикнула она и побежала вперед, чтобы хоть как-то справиться с волнением.

Юноша, смеясь, бросился за ней, на ходу зачерпывая руками снег и бросая наспех сделанный снежок в девушку. Так, хохоча и играючи, они добрались до Настиного дома. Это был большой высокий каменный дом, беленый, с резными коричневыми наличниками и ставнями.

– Ой! – вдруг вскрикнула Настя, – уходите скорее, а то братья увидят, заругают, – стремглав бросилась она к воротам.

Закрыв за собой калитку, Настя долго еще не могла унять свое сердце и убрать улыбку с лица.

Потом девушка еще несколько раз видела Ивана и даже разговаривала с ним, когда он вызывался проводить ее до дома. Юноша частенько, как будто бы случайно прохаживался недалеко то от Настиного дома, то от прогимназии на улице Подаруевской, где она училась.

На лето семья переезжала в деревню. Там тоже был просторный, только деревянный дом, который пах лесом. Насте нравились чисто выскобленные полы, разноцветные домотканые дорожки, белоснежные занавеси и расшитые полотенца, студеная вода в жбане. И хотя девушка

очень любила и этот дом, и лес, и речку Пышму, но в это раз ехать ей совсем не хотелось. Она ходила такая грустная, что мать забеспокоилась – не заболела ли дочка. И стала поторапливать домочадцев со сборами – Насте надо скорее на деревенский свежий воздух и парное молочко. А Настя тем временем заливалась слезами по ночам – хоть бы увидеть Ванечку перед отъездом и длительной разлукой, хоть на минуточку!

Иван, меж тем, был с отцом на промысле, они перегоняли табуны лошадей из далекой Бурятии да с Алтая, и тоже очень тосковал по девушке, вспоминая ее длинную светлую косу, трогательные завитки у шеи и лучистые цвета гречишного меда глаза.

Но вот день отъезда настал, а Ваня так и не появился. День за днем Настя, грустя, бродила по лесным тропинкам. Собирала на полянках цветы и землянику. Она была совсем не похожа на городскую барышню – на девушке была просторная белая расшитая рубашка, легкий бежевый сарафан с красной и зеленой полосами по краю подола. На ногах – легкие парусиновые туфли-тапочки, а волосы перехвачены атласной красной лентой. Там на полянке такой ее и увидел Иван, когда через десятые руки узнав, куда они уехали, примчался в ее деревню. Повинуясь неведомой силе, они бросились навстречу друг другу, вдруг замерли, когда оказались совсем рядом, протянули друг другу руки и закружились радостные и счастливые.

А спустя несколько месяцев, уже ближе к зиме, домой пришел отец и, сев за стол, не дожидаясь, пока соберется вся семья, озабоченно сказал матери:

– Пора Настюшу замуж отдавать. Шестнадцатый годок пошел – созрела уж. У меня и сватают ее. В воскресенье придут к нам. Готовь девку.

Девушке показалось, что у нее остановилось сердце. Она и двинуться не могла с места. Так ее мать и застала, застывшую у двери, когда пошла звать всех к обеду.

– Слышала все? – догадалась она.

– Мама, мамочка, я не хочу замуж! Я не пойду!

– Что ж, дочка, не ты – первая, не ты – последняя, – вздохнула мать, – Готовься, моя милая. Женская доля такая. Подожди горевать-то, может человек хороший сватает тебя. Поди, не зверь отец-то за кого попало единственную дочку отдавать.

Рыдая, девушка побежала в свою комнатку, бросилась на кровать и дала вою слезам. Раздались шаги – это мать пришла звать ее к столу.

– Пойдем, дочка, знаешь ведь, папа будет недоволен. Не доводи его до греха. Смирись!

Вытерев слезы, Настя пошла вслед за матерью.

В воскресенье весь день у нее валилось все из рук. Она была блее снега. И с ужасом ждала момента, когда раздастся голос отца, зовущий ее в столовую. И этот момент настал. Как неживая она позволила няне переодеть себя в другое платье. Оно было необыкновенно красивым и очень шло ей. Отец привез наряд из Омска, куда ездил на Покров на ярмарку. Но сейчас это платье совсем не радовало девушку. Причесав волосы и соорудив нехитрую прическу, она вышла из комнаты.

– А вот и наша дочка, – сказал отец.

За столом сидели незнакомые люди. По всему видать – купцы. От них неуловимо пахло кожей и лошадьми. Но запах этот был совсем не резким, скорее приятным и почему-то знакомым.

– Вот, дочка, сватают тебя. Хорошие люди.

Настя не поднимала глаз.

– Попросят отдать тебя за их сына младшего Ивана. До Масленицы думаем и свадьбу сыграть. А пока посмотрите друг на друга да за руки возьмитесь. И за стол садитесь.

Настя при упоминании любимого имени подняла взгляд и увидела напротив знакомые и уже полюбившиеся синие-синие улыбающиеся глаза.

– Как цветочки льна, – подумала Настя.

Потом вдруг перед ее взором все закружилось, потемнело, и она упала бы навзничь, если бы Иван не успел подхватить ее. Обморок длился несколько минут. Настя очнулась на кровати и услышала, как отец в замешательстве говорил гостям: «Ну, не знаю я, подождите, гости дорогие, видите, как оно получается. Может, отложим наш разговор?»

Настя вскочила и, вбежав в столовую, крикнула: «Я согласна, папенька!»

Все оглянулись и удивленно посмотрели на нее.

Вскоре наступил 1905 год. Свадьбу после Крещения сыграли шумную, веселую, с катанием на санях, с песнями, плясками. А когда венчались в той самой церкви, где впервые повстречались с Ваней, опять Настя подошла к иконе Божьей Матери, посмотрела ей в глаза, поставила свечку и тихо поблагодарила Пречистую Деву, поклонившись в пояс.

А в конце года, в декабре, ждали появления первенца. Роды были трудные, долгие. Настя металась почти что в бреду, сквозь который, уже не чувствуя боли, вдруг уловила еле слышный писк.

– Мальчик, – сказала повитуха. – Слава Богу, разрешились, барыня.

– Мальчик, мальчик, – подхватили ее возглас остальные.

– Мальчик, – объявили на кухне,

Мальчик, – пронеслось в конюшне.

Подъехал экипаж, из него выскочил, раздеваясь на ходу, Иван.

– Барин, не извольте беспокоиться, мальчик у вас. Родился уж! – сообщил подошедший конюх.

– Спасибо, Ефим, – не останавливаясь, бросил ему Иван.

– Слабенький больно, – обеспокоенно сказала повитуха бабка Лукерья. – Насилу родила твоя барыня-то. Ну, ничего, Бог даст, оклемается... – и передала ему маленький сверток.

Иван заглянул за покрывальце, увидел маленькое личико, которое не было спокойным. Казалось, мальчик вот-вот расплчется, раскричится, его губки скривились, ротик открылся, но это был совсем не крик, а слабый писк. Сердце у Ивана сжалось от острой жалости к младенцу и от недоброго предчувствия.

– Сынок, Сереженька, сдавлено прошептал он, – держись, родимый, держись!

– Не пугай мальчонку-то, – сердито проворчала повитуха, – не нужны ему сейчас твои слезы. Ишь, плачет, лучше думай, как кормить-то его, мать-то не отошла еще, в горячке она. Того и гляди помрет, сердешная.

– Да ты че хоть это, бабка, подь ты к черту! Тьфу на тебя, ей Богу! – разнервничался Иван. Хотел к Насте подойти, но его остановили.

– Не тревожь ее, Ванечка, – сказала его мать. Досталось ей сегодня. Пусть пока...

Иван бережно отдал сверток с маленьким сыном Лукерье и, пошатываясь, вышел вон.

Незаметно за хлопотами да за заботами прошло семь месяцев. Настя оправилась было от родов, как семью настигла беда – их первенец, их маленький сынок расхворался и в три дня покинул своих безутешных родителей. Как ни молила Настя Деву Марию, как не просила Заступницу, не дошли видно ее молитвы... Поди, так надо было. И это было только первое испытание...

Через год после похорон Сереженьки, молодая женщина вновь вдруг почувствовала, что внутри нее зреет еще одна жизнь. И незадолго до третьей годовщины со дня их венчания, 14 января 1908 года в семье родился сынок Васенька. Мать наглядеться на него не могла,

кормила, одевала, обувала, причесывала, гуляла, сказки читала – все сама. Боялась отпустить от себя. Васенька рос озорным, но родителей это только умиляло.

– Ничего, – думали они, – любовь родительская еще никого не испортила.

Так оно, да и не так вовсе... Но ведь не баловали они его чрезмерно, только не старались ни к чему приучать, а пытались избавлять от трудной работы. Берегли, словом. Так и бегал мальчик в длинной рубашонке по двору, гоня железное колесо, резвясь и играя. Лишь изредка замечал он озабоченные лица родителей, да видел, как мама нет-нет, да и смахнет нечаянную слезу...

– Мама, ты чего такая невеселая стала? – то и дело спрашивал он

Мать гладила его по светлым волосам и грустно, как-то вымученно улыбалась. Но однажды они спешно оделись и пошли в дом к бабушке с дедушкой Татуниным, маминым родителям.

– Мама, мы в гости? А шаньги будут? А сладкие булочки? А халву купим?

– Пойдем скорее, сынок. Не в гости мы. Беда у нас!

Вася испуганно замолчал. В дедушкином доме было полно народу. У всех были заплаканные глаза или бледные лица. С войны пришел едва оправившийся после ранения брат Насти Константин и привез страшное известие: погиб средний сын – Матвей Татунин. Про Васю все забыли, а ему так хотелось спросить у дяди Кости, что такое война, где она, не терпелось потрогать погоны и орден на его груди.

Но на коленях у дяди Кости гордо восседал его сын Петя.

– Что, брат, завидуешь? – спросил, подходя к нему отец. Мальчик смущенно замотал головой.

– Не завидуй, брат, война – злое дело, плохое. Видишь, вот и Матвея убили, и Константин тоже мог голову сложить. Ордена-то да Кресты за просто так не дают... Вот и от Якова давненько уж вестей нету.

– А тебя не возьмут на войну?

– Не возьмут, – вздохнув, сказал отец и закашлялся. Настя с тревогой посмотрела на мужа, подошла к ним с Васей, потрогала Ивану лоб.

– К лекарю бы тебе надо, Ванюша, – тихо сказала она, – что ж ты все упрямишься-то?

– Ничего, мы и без лекаря справимся, правда, Васятка? – сказал Иван и подхватил сына на руки.

Мальчик очень любил, когда отец так называл его. Он обнял его за шею, поцеловал шершавую щеку и, устыдившись этой нахлынувшей нежности, попытался высвободиться из отцовских объятий. Эх, знать бы, что больше никогда папины руки не подхватят его, что никогда он не почувствует родное тепло, не вдохнет терпкий махорочный дух, смешанный с запахом воловьей кожи. И еще один запах всегда улавливал Вася – еле уловимый – запах конюшни...

Прошло совсем немного времени, как в доме теперь почти всегда пахло лекарствами, все говорили шепотом и передвигались, как тени. Отец лежал в комнате на высоких подушках и к нему никого не пускали.

– Скоротечная чахотка, видать, – как-то услышал он.

– Мама, что такое скоротечная чахотка? – однажды спросил он у матери.

– Это болезнь такая, которая забирает у нас нашего папу, – зарыдав, ответила она.

– Как забирает? Почему? – хотел было спросить мальчик, но не решился и вдруг, поняв весь ужас происходящего, убежал прочь и спрятался под кровать. Там и нашли его через несколько часов, уснувшего после долгих слез.

На долгое время жизнь мальчика разделилась на до и после. Он смутно помнил отпевание, прощание, похороны. В памяти осталось только чужое застывшее папино лицо, запах

ладана, треск свечей и то, как они с матерью брели, утопая в снегу, с кладбища. У Насти было бледное, заплаканное и какое-то отрешенное лицо. И хотя она крепко держала сына за руку, Вася понимал, что это именно он ведет домой маму, ставшую вдруг усталой, покорной и несчастной. Мальчик оглянулся тогда, увидел купол Всехсвятской церкви и погрозил кулаком неведомо кому.

Только и осталось, что карточка одна на память об отце. Вася мал еще был, но помнил, как ходили они в новый магазин на Голицынской справиться ему новый костюм, да и зашли потом в фотоателье на Садовой. Помнил мальчик и мамино светлое платье с пышными оборками, и папины блестящие сапоги, которые слегка поскрипывали при ходьбе. Эх, хороший был тогда денек! Они катались на каруселях, ели мороженое костяными ложечками. Вася запросил еще леденец и крендель с маком. Папа засмеялся и купил. А потом руки были липкими и вкусно пахли. Вася все нюхал их и тихонько облизывал. Мама тогда вытерла их платочком, обтерла и его измазанную мороженым физиономию, щелкнула по носу и звонко чмокнула в щеку. Они тогда ехали, смеясь, на пролетке с лихим извозчиком. А потом шли по Царской, взявшись за руки. Вася смотрел, задирая голову, то на маму, то на папу и был счастлив. А они тоже смотрели на него и улыбались. Но все это осталось в прошлом.

А вскоре после похорон, начались какие-то странные события – в городе везде горели костры, ходили люди с винтовками, часто попадались пьяные солдаты, на площадях стихийно возникали митинги, где на самодельной возвышенности громко кричал какой-нибудь человек, сминая в руке головной убор. Ветер разносил по улицам листовки, город не убирался и будто вымер. Иногда слышались выстрелы. Люди боялись выходить на улицу. Вася с мамой и ее братьями уехали в деревню, которую казалось, перемены вовсе не коснулись.

Шел 1921 год. Васе только-только исполнилось 13 лет. Была зима, мальчишки катались на санках, несмотря на мороз. Он увидел, как к дому, наклоняясь, чтобы защититься от снега и ветра, втянув голову в плечи, быстро идет мамин брат.

– Дядя Костя! – стараясь перекричать метель, позвал его Василий и побежал наперерез родственнику.

– Погуляй пока, – ответил дядька.

Дома Константин застал Настю за стиркой. Ей помогала соседская девочка Тася из бедной семьи Тюльновых.

– Иди, Тася, домой, – велела Настя, когда увидела озабоченное лицо брата.

– Настя, нам надо уехать. Собирайся! Яков ждет с лошадьми на соседней улице.

– Что случилось? – воскликнула женщина.

– В городе бунт. Казаки и солдаты, стрельба!

– Ну и что?

– Крепись, сестра... не знаю, как тебе сказать... Родителей забрали. И Пospelовых – тоже. Собирайся. Бери все необходимое. На кордон поедем, на заимку. Переждать надо. О ней никто не знает. Не найдут. А там видно будет. В этой неразберихе, в суматохе... Собирайся. Соседям скажем, в Омск подались к родственникам. Заработок, мол, мне обещали, вас с собой взял. Яков назад вернется – герой войны, все ж, может, не тронут, удастся выбраться из этой заварухи. Я – за Васяткой.

Собрав нехитрый скарб и запас продуктов, Настя с Васей забрались в повозку, укрылись дохой и двинулись в путь. За ними ехал Константин с семьей.

Вася уснул, укутанный в тулуп, а Настя все вспоминала, закрыв глаза, своего ненаглядного Ванечку и то, как они кружились, взявшись за руки под падающим снегом.

– Куда все это ушло? Куда делось, – с тоской думала молодая женщина, – И почему? Чем она провинилась, чем прогневала Бога и навлекла на себя такую беду? Но, смахнув набежавшие слезы и с усилием отогнав отчаяние, Настя, крепко сжала губы, решив вытерпеть все, что суждено ей в жизни. Ради Васеньки...

А суждено было много чего еще – родителей расстреляли без суда и следствия. Те посмели воспротивиться, когда у них хотели отобрать дом, все нажитое и выгнать на улицу. Посмели ослушаться, задавали вопросы, пытались отстоять свое. Родители же Вани правдами-неправдами сумели уехать на Алтай к дальнему родственнику. Об этом по секрету Насте сказал Костя. Там их следы и затерялись. А Настя с Васей, прожив до осени на заимке, отгревав и отплавав, вернулись в деревню. В город ехать уж побоялись, да и дома-то больше нет – ехать некуда. Настя научилась и печку топить, и еду варить, и стирать, и в огороде трудиться. Тася-помощница помогала ей по хозяйству за копейку. Трудолюбивые люди, да со смекалкой, да с купеческой хваткой нигде не пропадут. Выращивали скот, овощи, торговали, промысел нехитрый завели. Вася подрастал, выучился, работать стал. Голос его стал грубее, да и сам он вымахал, будь здоров! Красивый, сильный. Мать смотрела на него, а сердце сжималось. В комсомольскую ячейку сын вступил. Мать, было, воспрепятствовать хотела – не могла простить, что благодаря таким вот комсомольцам родители мученическую да несправедливую смерть приняли, и даже не знала она теперь, где мать с отцом лежат. И думать себе про это запрещала. Но брат не позволил преградой стать. Вперед глядел. А Василий уж и жених завидный, и девушка у него, оказывается, есть любимая – Груняша Тюльнова, сестра Таси – помощницы, светленькая, тоненькая, с глазами, как капельки воды – голубыми и прозрачными. Видела Настя, как замирает сын при виде девушки, как голос у него становится тихим да ласковым. Понимала она, что любит Вася Груню без памяти. Девушка уехала в город, чтобы матери

полегче было, на работу устроилась, подстриглась на городской манер, да и одеваться так же стала.

– Только что косынку красную не повязала, – с неприязнью и раздражением думала Анастасия.

И во сне страшном не могло ей привидеться, что породниться придется с такой семьей – бедной да никчемной по ее, Настиному разумению.

– Гольтьба немощная – так она про них думала. – Пьянь беспробудная!

Отец у Груни извозом занимался, да пил по-черному. Так и замерз, как тот ямщик в степи. Только лошадь пришла с повозкой, а Федора и след простыл. А мать девушки Матрена шила, спины не разгибая. Да разве прокормишь такую ораву детей-то – три сына да четыре дочери. Старшие-то как подросли, в город на заработки подались, но это все одно.

– Не ровня они им, Поспеловым и Татуниным, не ровня! Так рассуждала Анастасия, и сердце ее никак не хотело мириться с выбором сына.

Но и тут старший брат далеко глядел. Уговаривал Настю спрятать свой норов. Так что, делать нечего – и с этим пришлось смириться – не ровен час, раскулачивать начнут – волна –то уж прокатилась. А тут родня – беднота гольная, да сын комсомолец-активист, некого раскулачивать-то.

– Прав брат, – размышляла Настя.

Делать нечего – благословила своего единственного сына, кровинушку родимую. Расписались в сельсовете Груня и Вася, а Настя, теперь уже Анастасия Прокопьевна так и осталась при них.

1929 год подходил к концу. А тучи продолжали сгущаться. И не только над семьей Поспеловых. Год выдался голодный. Из города приходили тревожные вести. У зажиточных семей отнимали все, как иным казалось лишнее, многих выслали на необжитые земли, в Северный Казахстан. В первую очередь это касалось тех, кто до октябрьского переворота слыл богатым или принадлежал какому-нибудь сословию. А тут еще и молодая семья вот-вот ждала пополнения.

В начале ноября, как раз в День иконы Казанской Божьей матери, хотя день этот давно уж перестал быть праздником, Груня разрешилась первенцем – дочкой. Василий, не посоветовавшись с женой, назвал малышку экзотическим именем Лаура – уж очень оно ему понравилось, это имя, когда читал книжку о Карле Марксе. Так звали дочь основоположника марксизма. Было в этом имени что-то непостижимое и таинственное. Еще задолго до рождения дочери Василий повторял нараспев – Ла-у-ра....Девочка родилась крепенькая, светленькая, с большими голубыми глазами.

– На Груню походит, – с теплотой думал молодой отец.

Только-только стала маленькая Лаура делать первые шаги, да слова первые говорить, как в семье появился мальчик. Аграфена никак не могла оправиться от родов, Анастасия Прокопьевна настояла, чтобы ребенка крестили. В чудом сохранившейся в деревне церкви батюшка записал мальчика под именем Африкант, в святцах, видать, посмотрел. Молодой отец даже возразить не успел. Ну, что ж Африкант, так Африкант, Франик значит. Дядя Пряник, как звали его потом племянники.

И эта зима была суровой, голодной. А по весне из города пришла дурная весть – арестовали Якова. Константин, что есть мочи хлестал лошадей, и, приехав к Насте, опять велел собираться в дорогу.

– Не поедем мы, Костя! Сколько можно. Дети у нас малые, куда мы с ними?

– А если заберут меня, тебя, что с ними станется, ты подумала?

– Не поедем и все тут! Так и будем ездить туда-сюда?!

– Ну, гляди, сестра. Дело твое. Только держи наготове вещи необходимые. Упрямая ты у нас – в кого такая?!

– Не сердись, Костя! Давай подождем. Обещаю, если будет больно нужно, поедем.

Всю ночь Настя не спала, все думала. Смотрела на Маленькую Лауру, на Франика. Сердце сжималось от тревоги за них.

– Нет, подождем пока, – решила она. – Не поедем.

Якова меж тем выпустили из околотка, говорят, до самого Наркома с прошениями дошел. Приехал к ним в деревню. Кашлял только натужно, видать отбили ему внутренности все. Повредили...

А потом уж летом, понаехали солдаты, да люди в кожаных тужурках, стали ходить по дворам, заглядывать в сараи да амбары, забирать скотину и зерно. Сосед муки себе оставил мешка два – детей кормить, так его в город увезли. А перед этим избili на глазах у орущих детей и жены. Жену, когда помешать пыталась, прикладом в грудь толкнули так, что она потом кровью харкать начала.

Ночью в окно постучали. Вася вскочил, подошел к окну и разбудил мать.

– Мама, Дмитрий, Грунин брат приходил. Завтра к нам придут излишки забирать. Что же делать-то?

– Что делать? Спать ложись, утро вечера мудренее.

– Спать?

– Да, спать, вставать завтра рано. Косить ведь собирались...

А через полчаса, когда все успокоилось, Анастасия выскользнула из постели, и долго сновала из дома в дальний сарай и обратно. Только стало светать, подняла она Груню с Васей и отправила на покос, дав им с собой еды.

А сама прошла еще раз по избе, собрав узел со скарбом, перенесла спящих детей в баню, стоящую на отшибе почти у самой реки, вылила керосин из лампы и, перекрестившись, бросила на пол зажженный фитиль. Она стояла и смотрела, как занялся половик под столом, вспыхнула занавеска, потом спокойно вышла из дому, прикрыв за собой дверь. Измазала лицо сажей и только когда пламя стало видно в окно, пошла за детьми. Взяв Лауру за руку, она подошла к дому и заголосила, а потом тихо обратилась к внучке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.